

Литературный факт. 2026. № 1 (39)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 1 (39), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191>
<https://elibrary.ru/WZUECI>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 1 (39), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Передать сонет и четверостишие» Записка Анны Ахматовой с поручениями Нике Глен¹

© 2026, О.Е. Рубинчик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые публикуется и анализируется одна из трех сохранившихся записок Анны Ахматовой с поручениями ее литературному секретарю Нике Глен, цитируется ряд других архивных материалов. Записки с поручениями Нике Глен представляют собой в основном «слепые» списки имен тех, к кому следует обратиться. Кажется, что тексты невозможно ни датировать, ни объяснить, но накопленные ахматоведением сведения помогают вписать эти документы в контекст событий. Публикуемая записка — это автограф Ахматовой, дополненный рукой Глен. Она написана в Комарове в августе 1962 г. при отъезде Глен в Москву. Список поручений в определенной степени показывает круг московских друзей Ахматовой начала 1960-х гг. В этот круг входили люди разного возраста и обретенные в разные периоды ее жизни: в юности, как Михаил Зенкевич, в зрелые годы и в старости, как молодые Галина Корнилова и Симон Маркиш. Пристальное рассмотрение данного списка позволяет отчасти понять характер забот, проблем и интересов Ахматовой этого времени.

Ключевые слова: Анна Ахматова, Нике Глен, эпистолярный, биографика, сонет, четверостишие, стихотворный набросок.

Информация об авторе: Ольга Ефимовна Рубинчик — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5609-1819>

E-mail: rubinchik_olga@mail.ru

¹ Моя глубокая благодарность Р.Д. Тименчику за советы и замечания. За возможность работы с архивными материалами благодарю И.Г. Иванову, Н.И. Крайневу, М.К. Свиценскую, а также сотрудников отдела рукописей РГБ.

Для цитирования: Рубинчик О.Е. «Передать сонет и четверостишие»: Записка Анны Ахматовой с поручениями Нике Глен // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 163–191. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191>

Ника Николаевна Глен (1928–2005), переводчица болгарской прозы, и до сих пор считается крупнейшим специалистом в этой области². С 1956 по 1983 г. Глен работала редактором в славянской редакции издательства «Художественная литература», в этом качестве она и познакомилась с Ахматовой, предложив ей переводить с болгарского. «Я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой в 1956 году, — свидетельствовала она, — с 1957 г. стала бывать у нее, и с этого времени до конца ее жизни виделась с ней часто и регулярно, особенно когда А.А. жила в Москве. Примерно с 1958 г. по 1962 — начало 1963 я оказывала А.А. секретарские услуги, помогала в литературных делах, в отношениях с издательствами и журналами, в переписке и т. д. Последние года три эти обязанности, так сказать, частного секретаря в большей своей части перешли к Анатолию Генриховичу Найману»³. Следует добавить, что оба «секретаря» были просто бесплатными помощниками Ахматовой и что для них, как и для многих ее друзей, помощь ей была личным выбором и не тяготила. Общение с почитаемым поэтом стало для Ники Николаевны одним из главных событий жизни: «Когда я уходила от Ахматовой (часто — к последнему поезду метро), особенно если она перед тем читала мне стихи, я шла, ног под собой не чуя — даже и физически, с ощущением такого ликования, для которого я и сейчас не могу найти слов. <...> это ощущение чуда, особенно острое в первые месяцы знакомства <...>, не притупилось, не стерлось до самого конца»⁴. Найман о Глен: «А.А., нежно и уважительно всегда о ней говорившая, называла ее “болгарской королевой”. Она пользовалась исключительным доверием Ахматовой, предоставляла, живя вдвоем с матерью, одну из двух маленьких комнат в коммунальной квартире в ее распоряжение, приезжала ухаживать за ней в Комарово...» [10,

² См.: Последнее лето: болгарские переводы Ники Глен / сост. И.Ю. Мельникова. М.: Институт перевода; Центр книги Рудомино, 2020 (Сер. Мастера художественного перевода).-В этом издании помещены также воспоминания о Н. Глен.

³ Авторизованная машинопись из архива Глен (цит. по копии из архива О.Е. Рубинчик). Ручкой Л.К. Чуковской над текстом указано: «Н. Глен на суде»; под текстом, после подписи Глен, ручкой Чуковской: «Начало февраля 69 г., накануне поездки в Ленинград на суд». Текст с неточным названием опубли.: Глен Н.Н. Выступление на суде по делу о завещании А.А. Ахматовой и судьбе ее литературного наследия. Февраль 1969 // Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. События, воспоминания, документы / текст, коммент. Н.И. Поповой, Т.С. Поздняковой; сост. каталога, отбор материалов И.Г. Ивановой. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2023. С. 223–228.

⁴ Глен Н. Вокруг старых записей // [5, с. 627].

с. 167]. «Об одной своей молодой приятельнице, много помогавшей ей с бумагами и рукописями, <Ахматова> сказала: “Она все делает тихо, как бабочкино крыло”»⁵, — это, несомненно, о Глен. Ника Николаевна оставалась одним из главных литературных помощников Ахматовой до конца ее жизни, а с 1988 г. была секретарем комиссии по литературному наследию Ахматовой при Союзе писателей. Комиссия существовала несколько лет, но и после ее закрытия Глен продолжала работу по возвращению читателю ахматовского творчества и сохранению памяти о ней (подготовка изданий, музеи, мемориальные доски и т. д.).

Свой ахматовский архив, насчитывающий более пятисот единиц хранения, Глен передала в Музей Ахматовой в Фонтанном Доме⁶. Среди материалов архива — ахматовские письма, открытки и телеграммы Нике Николаевне, а также три записки, из которых в данной статье публикуется одна⁷. Записки содержат поручения, которые Ахматова давала при отъезде Глен из Ленинграда или Комарова в Москву.

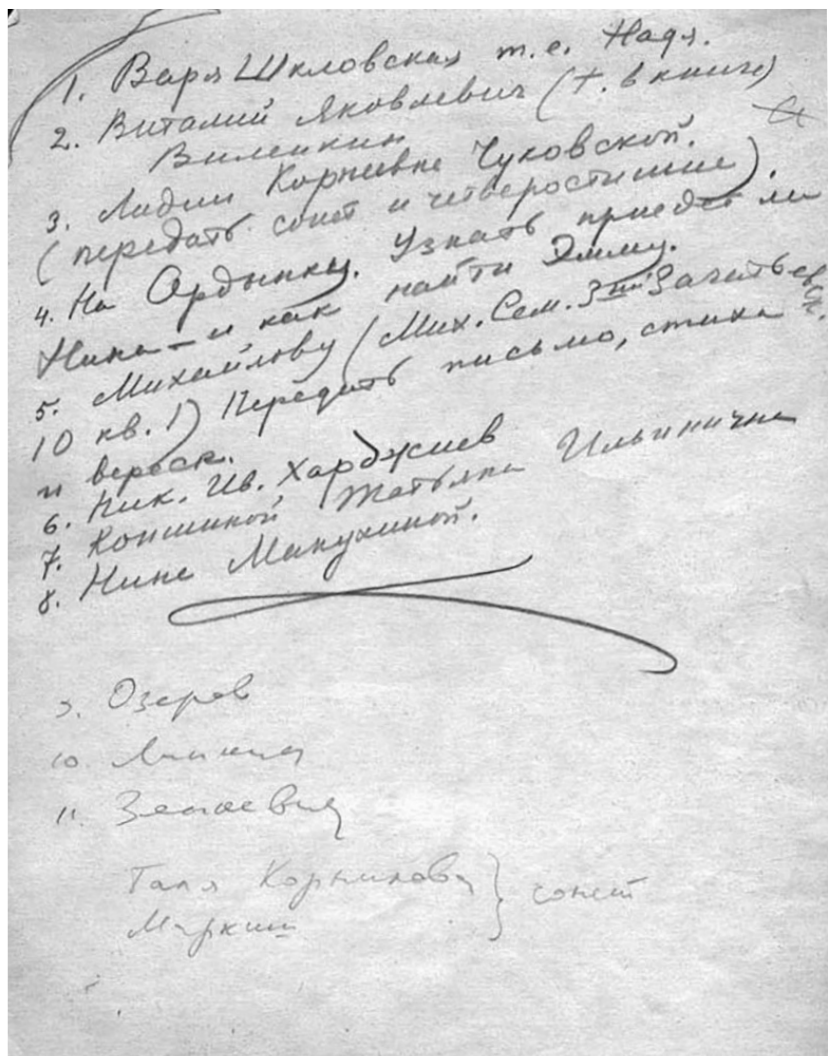
Какие-то поручения, зачастую устные, давались Ахматовой многим уезжающим друзьям. Она могла попросить передать кому-то в дар рукопись или книгу, задать вопрос о судьбе предполагавшейся публикации, поблагодарить за полученное письмо, на которое она не ответила, потому что писать письма было для нее мучением, попросить рассказать о ее здоровье и делах, наконец, просто передать привет. Таким образом она заочно поддерживала отношения с друзьями. Казалось бы, зачем передавать через кого-то устные послания, почему бы не позвонить? Когда была возможность, Ахматова звонила. Но телефоны тогда были далеко не у всех. И, кроме того, междугородние звонки были делом сложным и дорогостоящим. А из Комарова, из «Будки», как Ахматова называла свою писательскую дачку, позвонить, за отсутствием телефона, было вообще невозможно. Отсюда поручения. Если их было много, они оформлялись списком.

Записки с поручениями Нике Глен представляют собой в основном «слепые» списки имен. Кажется, что их невозможно ни датировать, ни расшифровать. Но накопленные ахматоведением сведения

⁵ Ильина Н. Анна Ахматова, какой я ее видела // [5, с. 584].

⁶ Подробно о Глен и ее роли в сохранении и издании наследия Ахматовой см.: [12].

⁷ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (далее — МАА). КП-12869. В записке (и в других архивных материалах) сохранена орфография и пунктуация подлинника. О других записках Ахматовой Глен см. наши статьи: «"...Передала мне высочайшие распоряжения..."». Ахматовская записка с поручениями Нике Глен» ([13]), «"Марусе — всё"». Об одной ахматовской записке с поручениями Нике Глен» (в печати).

заставляют «принять вызов»: попытаться вписать эти документы в контекст событий.

Публикуемая здесь карандашная записка написана в основном рукой Ахматовой — уверенно и четко, но пункт 9 и все, что ниже, — рукой Глен, явно в момент разговора с Анной Андреевной, наспех. В левом верхнем углу полукругом — охватывающая первые два пункта петля; на правом поле, напротив второго пункта, — ахматов-

ская подпись в виде буквы ; это может означать, что сначала записка включала в себя всего два пункта. После пункта 8 нарисована длинная горизонтальная петля — характерный для Ахматовой знак конца текста (иногда такая петля разделяет части текста).

Дата и место написания записки определены благодаря третьему и пятому ее пунктам (обоснование см. далее).

А.А. Ахматова — Н.Н. Глен

[Август (после 13-го?) 1962, Комарово]

1. Варя Шкловская т. е. Надя.
2. Виталий Яковлевич (т<е>лефон<е> в книге)
Виленкин
3. Лидии Корнеевне Чуковской.
(передать сонет и четверостишие).
4. На Ордынку. Узнать приедет ли Нина и как найти Эмму.
5. Михайлову (Мих. Сем. 3-ий Зачатьевск. 10 кв. 1) Передать письмо, стихи и вереск.
6. Ник. Ив. Харджиев
7. Коншиной Татьяна Ильинична <sic!>
8. Нине Манухиной.
9. Озеров
10. Липкин
11. Зенкевич

Галя Корнилова	}	сонет
Маркиш		

Приступим к пункту первому. Варвара Викторовна Шкловская-Корди (род. в 1927) — физик, дочь писателя, литературоведа и критика Виктора Борисовича Шкловского и художницы Василисы Георгиевны Шкловской-Корди. Ахматова была в многолетних добрых отношениях с семьей Шкловских, прежде всего, с Василисой Георгиевной. Она виделась с ней еще до революции, о чем не помнила; ср.: «В Севастополе жили с женой Шкловского (я не знала этого, она только теперь сказала, и что она с моей сестрой младшей была знакома)»⁸. Об отношении Ахматовой к своей давней знакомой говорит такой поздний инскрипт: «Милой / Василисе Георгиевне

⁸ Лукницкий П.Н. Asumiana. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Paris: YMCA-Press, 1991. Т. I. С. 98 (запись от 2 апреля 1925 г.).

Шкловской / от современницы / дружественно / Ахматова» [6, с. 31]. Ахматова редко называла себя чьей-то современницей. По всей вероятности, черновой текст инскрипта был записан в Москве 15 апреля 1959 г., дарственная надпись предназначалась для сборника «Стихотворения» 1958 г. Отношение Ахматовой к Шкловскому менялось. В пореволюционные годы оно было положительным: «АА Шкловского любит: “Он такой веселый”. Этим термином она заменяет все другие определения»⁹. Впоследствии, хотя она продолжала с ним время от времени видаться, ее отношение к его работам и поступкам зачастую было отрицательным. С годами участилось общение с Варварой Викторовной — по мере ее взросления. Ахматова бывала у Шкловских в основном в 1950–1960-е гг., уже после ухода Шкловского из семьи. По словам В.В. Шкловской-Корди, «Когда Анна Андреевна Ахматова приезжала в Москву, она приходила к нам разок. Жила у Ардовых на Ордынке, это недалеко совсем. И с кем-нибудь из своих мальчиков-поклонников приходила поговорить и посидеть»¹⁰.

Из воспоминаний об Ахматовой детского поэта Валентина Берестова: «Мы часто виделись у Варвары Викторовны Шкловской, где останавливалась, бывая в Москве, Н.Я. Мандельштам»¹¹. Чета Мандельштамов была дружна с четой Шкловских с начала 1920-х гг. Надежда Мандельштам вспоминала: «В Москве был только один дом, открытый для отверженных. Когда мы не заставляли Виктора и Василису, к нам выбегали дети <...> Нас вели на кухню — там у Шкловских была столовая, — кормили, поили, утешали ребячьими разговорами. <...> Приходила Василиса, улыбалась светло-голубыми глазами и начинала действовать. Она зажигала ванну и вынимала для нас белье. Мне она давала свое, а О. М. — рубашки Виктора. Затем нас укладывали отдыхать. Виктор ломал голову, что бы ему сделать для О. М., шумел, рассказывал новости. <...> Когда раздавался звонок, то прежде, чем открыть дверь, нас прятали на кухню или в детскую. Если приходили свои, нас немедленно с радостными криками освобождали из плена, а если Павленко или соседка-стучачка <...>, мы отсиживались в тайнике. Они ни разу не застали нас врасплох, и мы этим очень гордились. Дом Шкловских был

⁹ Там же. С. 115 (запись от 5 апреля 1925 г.).

¹⁰ Устная история. Беседы. Дом писателей в Лаврушинском переулке. Собеседник — В.В. Шкловская-Корди, ведущая — Н.Н. Бонч-Осмоловская. Беседа записана 21 мая 2014 г., опубли. 22 июля 2021 г. URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-1715/text> (дата обращения: 30.04.2025).

¹¹ Берестов В.Д. Избр. произведения: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых; Вагриус, 1998. Т. 2. С. 278–279.

единственным местом, где мы чувствовали себя людьми»¹². После гибели Мандельштама в квартире Шкловских в писательском доме в Лаврушинском переулке находила приют Надежда Яковлевна, когда, не имея права жить в Москве, нелегально туда приезжала. «Настоящим другом Нади все эти очень для нее трудные годы была Василиса Георгиевна Шкловская и ее дочь Варя», — писала Ахматова в мемуарной прозе о Мандельштаме «Листки из дневника» (1957–1963) [2, т. 2, с. 173]. И в той же прозе: «Летом 1924 года О. М. привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену. <...> С этого дня началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день» [2, т. 2, с. 161]. Об этом свидетельствует, например, книга воспоминаний Мандельштам «Об Ахматовой» и опубликованная двусторонняя переписка Ахматовой и Мандельштам¹³. Фраза в ахматовской записке: «Варя Шкловская т. е. Надя» — означает, что Ахматова просит Варвару Викторовну связаться с Надеждой Яковлевной и что-то ей сообщить.

Скорее всего, сообщение было связано с хлопотами друзей, включая Ахматову, о прописке и жилье для Надежды Яковлевны в Москве (в это время она была прописана в Тарусе, где провела в чужих домах не одну тяжелую зиму). Свидетельство Л.К. Чуковской: «После реабилитации Мандельштама Ахматова усердно хлопотала через влиятельных друзей и через влиятельных поклонников о прописке для Надежды Яковлевны и о квартире для нее. Она позвала на помощь С.Я. Маршака, Ф.А. Вигдорову; обратилась в Союз, к А.А. Суркову, который всегда благоволил к ней...»¹⁴. Ср. запись Чуковской об Ахматовой от 23 сентября 1962 г.: «Сама она сейчас одержима заботами о прописке Надежды Яковлевны и, по-видимому, ради этих хлопот приехала в Москву. “Укажите мне, в чьи ноги бросаться, и я брошусь”. <...> — Ведь Надя не просто жена, она жена-декабристка, — сказала Анна Андреевна. — Никто ее не ссылал и вообще не преследовал, она сама поехала за мужем в ссылку» [18, с. 520]. В июне 1964 г. Василисе Шкловской удалось прописать Надежду Мандельштам у себя в квартире на правах дальней родственницы, а в конце 1965 г. Мандельштам получила собственную однокомнатную кооперативную квартиру (по ее словам, этим она

¹² Мандельштам Н. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014. Т. 1. С. 439–441.

¹³ Мандельштам Н. Об Ахматовой / изд. подгот. П. Нерлер и С. Василенко при участии Н. Крайневой. М.: Новое издательство, 2007.

¹⁴ Чуковская Л.К. Дом Поэта. М.: Время, 2012. С. 289.

обязана прежде всего хлопотам Фриды Вигдоровой¹⁵; деньги же на квартиру ей одолжил Константин Симонов).

Очень вероятно, что Глен должна была также сообщить Варваре Шкловской, а та — Надежде Мандельштам, сведения о ходе подготовки издания Осипа Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» (оно готовилось под редакцией Николая Харджиева с 1957 г., а вышло — после бесконечной череды цензурных мытарств — в 1973 г.). 8 августа 1962 г. добрый знакомый Ахматовой москвич Георгий Глекин, побывавший у нее в Комарове, записал: «Анна Андр. просила меня передать Над. Яков., и через Варю — Харджиеву, чтобы они не противились ошибочному предисловию Бухштаба к книге Осипа Эмильевича...»¹⁶. Речь идет не о предисловии, которого литературовед, знаток творчества Мандельштама Борис Бухштаб не писал, а о его внутренней рецензии, датированной 7 августа 1962 г.¹⁷ Рецензия написана в защиту книги: высоко оценены и поэзия Мандельштама, и работа составителя, и вступительная статья Адриана Македонова (о ней и Ахматова сказала: «хороша»¹⁸), а замечания высказаны исключительно по существу. Вот как отзывалась об этой рецензии сама Надежда Мандельштам в письме к Лидии Гинзбург от 27 сентября 1962 г.: «Рецензию Бориса Яковлевича хвалят все — и Николаша¹⁹, и Анна Андреевна. Сведения Вари — полная чепуха — глекинская. Вероятно, он это сделал из жалоб Анны Андр. на совсем другое и не имеющее никакого значения... Никакого отношения к Борису Яковлевичу не имеет»²⁰. Слова об ошибочности, если они все же были Ахматовой произнесены, могли иметь в виду тактические соображения: насколько отзыв способствовал «прохождению» рукописи. Так, Бухштаб писал о Македонове: «...автор статьи последовательно преувеличивает близость поэта к революционному мировоззрению <...> к ведущему направлению советской поэзии. <...> Если автор стремится подобными толкованиями

¹⁵ См.: Надежда Мандельштам и Фрида Вигдорова / публ. П. Нерлера, А. Раскиной, Е. Вигдоровой // Октябрь. 2016. № 1. С. 145, 147.

¹⁶ Глекин Г.В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / изд. подгот. Н.Г. Гончарова. М.: Азбуковник, 2015. С. 190.

¹⁷ Бухштаб Б.Я. Отзыв о рукописи: Осип Мандельштам. Стихотворения. Вступит. статья А.В. Македонова. Подгот. текста и прим. Н.И. Харджиева (Б-ка поэта. Большая сер.). Ленинград. 7 августа 1962 г. Машинопись. 16 лл. // РНБ. Ф. 1341 (Б.Я. Бухштаба). Ед. хр. 624.

¹⁸ Латманов М.В. Беседы с А.А. Ахматовой // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / сост. М.М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 517.

¹⁹ Николай Харджиев.

²⁰ Переписка Н.Я. Мандельштам с Л.Я. Гинзбург (1959–1968) / публ., коммент. и предисл. О.Е. Рубинчик // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64. С. 18–19. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/64/Rubinichik64.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

обосновать правомерность издания стихотворений Мандельштама, то ведь в этом нет нужды. Мы издаем таких поэтов как Бунин, Цветаева или Саша Черный; тем более очевидна необходимость издания Мандельштама, поэта во всяком случае не менее значительного, чем названные, и, без всяких натяжек, несравненно более близкого к революции и советской жизни»²¹. Ср. высказывание Б.Ф. Егорова, в то время заместителя главного редактора «Библиотеки поэта»: Македонов «написал вполне добротную статью, но его марксистское воспитание повлияло на социологический тонус статьи, оно не годилось для поэтической серии, тем более что создавался очерк о великом поэте» [11, с. 164]. По этой причине позднее, в 1966 г., статью Македонова решили заменить статьей Лидии Гинзбург. Но в 1968 г. редколлегия забраковала ее как недостаточно «боевую»²² и заменила статьей представителя партийного литературоведения Александра Дымшица.

Возвращаясь к первому пункту ахматовского списка, приведу запись Глекина от 26 ноября 1962 г.: «...У Анны Андреевны мы были вместе с В.В. Шкловской. Ал. Ал. Сурков сообщил, что дело со сборником Ос. Эм. налажено, и налаживается <...> и дело с квартирой. По этому поводу дал от имени А.А., Вари и Ники телеграмму Над. Яковл.». В коллективной телеграмме сообщалось, что «с пропиской и комнатой дело налаживается»²³. Насколько в реальности оказались хороши эти дела, нам уже известно.

Во втором пункте указан театровед, литературовед и педагог Виталий Яковлевич Виленкин, позднее великолепно описавший знакомство с Ахматовой в июне 1938 г. на парадном обеде в доме ее друзей Рыбаковых²⁴; он посвятил ей книгу «В сто первом зеркале». Наиболее тесно Виленкин общался с Ахматовой в 1950–1960-е гг. Иногда выполнял какие-то ахматовские просьбы. Например, он вспоминает о январе 1962 г.: «По поручению Анны Андреевны, я получил в редакции “Звезды” гранки ее “Слова” еще до выхода журнала (у нее тогда не оказалось на руках даже полного черновика) и увез эти гранки в Москву, чтобы прочитать их на пушкинском вечере театральной молодежи в Школе-студии МХАТа. Уже в Москве я получил от нее посланную мне вслед записку»; в этой

²¹ *Бухштаб Б.Я.* Отзыв о рукописи: Осип Мандельштам... Л. 2–3.

²² Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / подгот. текста Н.К. Цендровской при участии А.Г. Меца, коммент. Л.Я. Гинзбург // *Звезда*. 1998. № 10. С. 144.

²³ Цит. по: Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 267 (год указан неверно: 1963 вместо 1962).

²⁴ *Виленкин В.Я.* В сто первом зеркале. М.: Искусство, 1982. С. 408–411.

записке от 4 февраля 1962 г., наверняка посланной с кем-то из друзей, Ахматова попросила срочно передать «Слово о Пушкине» Галине Корниловой для «Литературной газеты»²⁵. Но было ли что-то поручено Виленкину через Глен в августе 1962 г., неясно. Возможно, ему передавался лишь телефонный привет с рассказом об ахматовских обстоятельствах на тот момент.

В третьем пункте названа писательница, редактор и правозащитница Лидия Корнеевна Чуковская, с которой Ахматова была дружна с 1938 г. (дружба прерывалась с конца 1942 г. до июня 1952 г.). Ахматова просит передать Чуковской «сонет и четверостишие». Названные вместе, они дают основание считать, что речь идет о «Сонете» «Не пугайся — я еще похожей...» (он же «Сонет-эпилог», «Шекспировский сонет»²⁶) и «Четверостишии» «О своем я уже не заплачу...», обращенном к Иосифу Бродскому и впоследствии без названия вошедшем в цикл «Вереница четверостиший». В это время «Сонет» и «Четверостишие» — под этими названиями и с небольшими различиями по отношению к окончательным вариантам — были напечатаны на пишущей машинке на одном листе²⁷. Экземпляр такой машинописи сохранился у Глен²⁸ (подобные экземпляры хранятся и в других архивах²⁹). Объединяет эти два текста не только время написания, но и то, что оба прикровенно указывают на трагичность существования поэта в советское время. Сонет на античный сюжет посвящен философу Исаею Берлину, навестившему Ахматову в конце 1945 г. и в начале 1946-го, в бытность сотрудником Британского посольства, и содержит аллюзию на ждановское постановление, которое было с этим знакомством связано. Ср. запись Чуковской об Ахматовой от 23 сентября 1962 г.: «Рассказала, что “Новый Мир” хочет взять у нее цикл стихотворений, но Караганова (тамошняя редакторша) почему-то не желает сонет (“Я тогда отделалась костром”)... Иосиф Бродский, спасающийся от ленинградского КГБ, молодой поэт, которого преследуют невесты за что, под тем предлогом, будто он тунец, — живет сейчас в Москве — у Корниловых» [18, с. 520]. Небольшая подборка произведений Ахматовой в «Новом

²⁵ Там же. С. 470.

²⁶ См., например, [6, с. 57, 64, 112, 202, 205, 212, 240, 249].

²⁷ В «Сонете» — строка «Тень твою я все же берегу» вместо окончательной «Тень твою зачем-то берегу»; под текстом указано: «1962, июль / Комарово». В «Четверостишии» строка «Золотую печать неудачи» исправлена на окончательный вариант: «Золотое клеймо неудачи» (более поздняя карандашная правка рукой Глен); под текстом: «1962». Ахматовская рука отсутствует.

²⁸ МАА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16.

²⁹ Авторизованная машинопись — в Литературном музее ИРЛИ РАН (ПД КП-6618) и в московском Государственном музее А.С. Пушкина (КП-23546).

мире» вскоре была напечатана; «Сонет» в нее не вошел, а вот четверостишие «О своем я уже не заплачу...» вошло (в окончательной версии) — вместе с четверостишием «Ржавеет золото, и истекает сталь...», под общим заглавием «Два четверостишия»³⁰.

Фраза «передать сонет и четверостишие» и соответствующие экземпляры машинописи способствуют датировке ахматовской записки. Тот вариант четверостишия «О своем я уже не заплачу...», о котором идет речь (со строкой «Золотую печать неудачи...» вместо окончательного варианта «Золотое клеймо неудачи»), сложился у Ахматовой 13 июня 1962 г. в Ленинграде³¹. Вариант «Сонета», включенный в машинопись вместе с «Четверостишием» (со строкой «Тень твою я все же берегу» вместо окончательного «Тень твою зачем-то берегу»), существует и в другой машинописи: только «Сонет», без «Четверостишия». Дата под «Сонетом» — «21 сент. 1960 — 29 июня 1962 / Комарово»³². Окончательный же вариант (где «Тень твою зачем-то берегу») имеет дату «2 августа 1962 / Комарово» [2, т. 1, с. 274–275]. Таким образом, машинопись двух текстов, посланных Лидии Чуковской, можно смело датировать июлем 1962 г. В это время Глен была с Ахматовой в Комарове; уехала она оттуда в августе. Ср. ее свидетельство: «...бывали и недели, когда А.А. оказывалась совсем брошенной в Комарове, и тогда (на моей памяти это, скажем, июль-август 1962 года, когда я приезжала к А.А. в Комарово), ее просто по доброте спасала, готовила ей С.С. Гитович — друг А.А. и ее соседка по даче»³³. Данное свидетельство в совокупности с машинописью «Сонета» и «Четверостишия» позволяет датировать ахматовскую записку с поручениями августом 1962 г.

Четвертый пункт — «На Ордынку. Узнать приедет ли Нина и как найти Эмму». Нина — близкая подруга Ахматовой, актриса Нина Антоновна Ольшевская. С ней и ее мужем, писателем-сатириком Виктором Ефимовичем Ардовым, Ахматова познакомилась в 1934 г. В доме Ардовых на Ордынке она зачастую останавливалась в Москве³⁴. О приезде Нины Ольшевской в Комарово летом 1962 г. вспоминает жена поэта Александра Гитовича Сильва Гитович, помогавшая Ахматовой по хозяйству: «После двух месяцев одинокого

³⁰ Ахматова А. Из новых стихов // Новый мир. 1963. № 1. С. 64–66.

³¹ «Без названия» [6, с. 234].

³² Авторизованная машинопись из архива Н.И. Пушкинкой (МАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87).

³³ Машинопись «Н. Глен на суде». С. 2.

³⁴ Об Ахматовой и Ардовых см.: Герштейн Э.Г. Беседы с Н.А. Ольшевской-Ардовой // [5, с. 258–276]; Ардов В.Е. Этюды к портретам. М.: Сов. писатель, 1983. С. 50–64; мемуары молодого поколения семьи Ардовых: Ардов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка: Сб. воспоминаний. СПб.: Инапресс, 1995 и др.

житья мне на подмогу стали приезжать москвичи. Сперва приехала милая, хрупкая Ника Глен, потом смуглая черненькая Юля (Живова. — *О.Р.*), затем красивая длинноногая Нина Антоновна» [5, с. 511]. Ср. записи Ахматовой 1962 г.: «24 авг<уста> <...> / Приехала Нина»; «7 сент<ября>. Уезжает Нина» [6, с. 246, 247].

Эмма Герштейн — специалист по русской литературе XIX–XX вв., мемуарист. Друг Ахматовой с 1934 г., самоотверженно участвовала в многолетних хлопотах по освобождению из заключения Льва Гумилева³⁵. Подготовила издание ахматовских работ о Пушкине и мн. др. «Розыски» Герштейн, видимо, были затруднены ее вынужденным переездом из расселенного дома: весной 1962 г. ей была выделена комната в отдаленном районе (на Варшавском шоссе), при этом там отсутствовал телефон, а нового адреса Эммы Григорьевны у Ахматовой в Комарове могло не быть. Причина, по которой Ахматова искала Герштейн, явствует из записи Чуковской от 20 мая 1962 г. и примечания к ней: «Анна Андреевна вся с головой в деле Герштейн. Надо как-то (но как?) унять хулиганов в квартире и хулиганов в “Октябре”. <...> Для нее защита статьи Герштейн — это защита собственной заветной работы о гибели Пушкина»³⁶; «Э.Г. Герштейн жила тогда в коммунальной квартире, где пахло антисемитизмом и с утра до вечера орало радио. В № 5 журнала “Октябрь” за 1962 г., в отделе “С улыбкой”, был помещен фельетон В. Назаренко под названием “В покоях императрицы”. Фельетонист высмеивал работу Герштейн “Вокруг гибели Пушкина”, напечатанную в “Новом Мире” (1962, № 2)» [18, с. 487].

Продолжительные хлопоты о более приемлемом жилье для Герштейн отразились в письме Ахматовой депутату Верховного Совета СССР, писателю Леониду Соболеву в июне 1963 г.³⁷ Позднее (по-видимому, с 1966 г.) Герштейн жила в кооперативе «Советский писатель» на Красноармейской улице, д. 29³⁸. Тогда же, в мае 1962 г., Ахматова инициировала кампанию по защите Герштейн в связи с фельетоном в «Октябре» (см.: [18, с. 487–488, 505 и др.]). Ею было написано боль-

³⁵ Подробно об этом и о ее отношениях с Ахматовой см., в частности: *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998.

³⁶ Статья Ахматовой «Гибель Пушкина» была опубликована посмертно Эммой Герштейн: Вопросы литературы. 1973. № 3. С. 191–236.

³⁷ Письмо не опубликовано. Карандашный автограф Ахматовой, машинопись (черновик): РНБ. Ф. 1073 (А. Ахматовой). Ед. хр. 684.

³⁸ В справочнике 1966 г. (Союз писателей СССР. Справочник: Составлен по данным на 1 ноября 1965 года. М.: Сов. писатель, 1966. С. 138) Герштейн числится еще по старому адресу — на Варшавском шоссе, телефона у нее нет. А в следующем справочнике (Союз писателей СССР. Справочник: Составлен по данным на 1 янв. 1970 года. М.: Сов. писатель, 1970. С. 165) она уже указана живущей на Красноармейской ул., д. 29, в отдельной (однокомнатной) квартире с телефоном. Этот дом был введен в эксплуатацию в 1966 г.

шое протестное письмо³⁹, которое, однако, она не использовала, т. к. было решено, что более сильным аргументом будет коллективное выступление — от имени не только Ахматовой, но и пушкинистов, и «влиятельных лиц» [18, с. 488]. В результате в седьмом (июльском, подписанном к печати 30 июня) номере «Нового мира» за 1962 г. в защиту статьи Герштейн вышло письмо с подписью Ахматовой, Всеволода Иванова, Сергея Бонди и Самуила Маршака. По всей вероятности, Ахматова хотела связаться с Герштейн, чтобы обсудить это событие.

В пятом пункте фигурирует малоизвестный в ахматоведении персонаж: «Михайлову (Мих. Сем. 3-ий Зачатьевск. 10 кв. 1) Передать письмо, стихи и вереск». Михаил Семенович Михайлов (1896–1969) — тюрколог, составитель (совм. с Д.А. Магазаником) «Словаря турецких неологизмов» (М., 1935) и «Русско-турецкого словаря» (М., 1943), доктор наук, преподаватель турецкого языка и литературы в московском Институте востоковедения, профессор⁴⁰. «По словам акад. А.Н. Кононова, признанного главы советской тюркологической школы и друга Михайлова, он был не только крупным ученым и великолепным педагогом, но и необыкновенно обаятельным человеком: “Тот, кто имел счастье видеть и слушать его в кругу друзей, с удовольствием вспоминает его яркий талант рассказчика, его любовь к русской литературе, его умение читать стихи, его радушие и веселый нрав”»⁴¹. Познакомились Анна Андреевна и Михаил Семенович заочно в 1958 г.: в ноябре этого года Ахматова получила от него первое письмо, он писал об увлечении ее поэзией еще с гимназических лет, о присутствии на двух ее вечерах в Петрограде — в Университете и в зале Городской думы, просил об автографе на посланном им сборнике ее корейских переводов⁴². В 1958 г. Ахматова начала вести записные книжки, полагая, что это перестало быть опасным, и в первой из книжек среди записей 1958 г. указала адрес и имя Михайлова [6, с. 5]. В 1959 г. в один и тот же день Михайлов подарил ей две свои старые работы, одна из которых была опубликована в 1924 г., — значит, не имел возможности сделать это раньше.

³⁹ Машинописный черновик письма Ахматовой с карандашной правкой Л. Чуковской и пометой Э. Герштейн хранится в ОР РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 681). Письмо не опубликовано.

⁴⁰ Подробнее о его деятельности: [8; 9].

⁴¹ Из личной библиотеки Анны Ахматовой (собрание Ардовых — Толстякова) / автор-сост. А.П. Толстяков. М.: Внешторгиздат, 1989. С. 33.

⁴² Сообщено Р.Д. Тименчиком; корреспонденция Михайлова к Ахматовой хранится в ее фонде в ОР РНБ.

Книжечка 1924 г. особенно примечательна: «В 1923 г. М.С. Михайлов был послан на работу в Стамбул переводчиком Репатриационной комиссии СССР. Он с блеском владел турецким разговорным языком, что вызывало, по словам А.Н. Кононова, “восхищение турок и зависть русских”, и “решился на большое патриотическое дело — познакомить турецкого читателя с творчеством И.С. Тургенева”. Он выбрал одно из самых поэтичных и очень трудных для перевода произведений Тургенева — повесть “Песнь торжествующей любви”, которая в изящном турецком переводе, выполненном Михайловым совместно с Я. Феридом, с предисловием и вступительной статьей Михайлова была издана в Стамбуле в 1924 г.»⁴³. Это издание на турецком языке новый знакомый Ахматовой подарил ей с инскриптом: «Анне Андреевне Ахматовой вручает свой перевод Песни торжествующей любви И.С. Тургенев<a> переводчик. М. Михайлов. 4.X.1959». На другой работе Михайлова — «К вопросу о занятиях М.Ю. Лермонтова “татарским” языком» (оттиск из «Тюркологического сборника». Т. 1. М.; Л., 1951) — весьма сдержанная надпись: «Анне Ахматовой автор. М. Михайлов. Москва. 4.X.1959»⁴⁴.

В записных книжках Ахматовой конца 1950-х – 1960-х гг. фамилия «Михайлов» встречается многократно. Иногда без имени и адреса — и тогда это может быть и другой Михайлов (например, врач Владимир Павлович). Несколько раз — в сопровождении адреса, который был для Ахматовой значим: в 3-м Зачатьевском переулке в августе-сентябре 1918 г. она жила со своим вторым мужем Владимиром Шилейко [17, с. 157], находившимся в Москве в командировке, а впоследствии написала стихотворение «Третий Зачатьевский» («Переулочек, переул... / Горло петелькой затянул»). В 1953 г., проезжая мимо этого переуллка с Чуковской, она сказала: «Вот с этого места началась для меня Москва <...> Лютый холод и совершенно нечего есть... Если бы я тогда осталась в Москве, другой была бы моя биография... Неподалеку был храм, там всегда звонили» [18, с. 77]. Записные книжки показывают, что Ахматова читала Михайлову «Поэму без героя», дарила рукописи и книги, а также послала несколько телеграмм, прося позвонить или с чем-либо поздравляя [6, с. 30, 69, 91, 93, 104].

Что за письмо она передала ему через Глен в августе 1962 г., неизвестно. По-видимому, это был короткий ответ на какое-то его послание. Вереск же — из Комарова, где он рос прямо на участке

⁴³ Из личной библиотеки Анны Ахматовой (собрание Ардовых — Толстякова). С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 33.

возле дома. Это растение не раз упоминается в стихах Ахматовой. 13 августа 1962 г. оно попало в набросок:

И северная весть на севере застыла
Средь вереска, зацветшего вчера,
Жасмина позднего и даже этой алой
Негаснувшей зари [6, с. 244].

«Северная весть» — полученная Ахматовой в середине июля 1962 г. мнимая весть о выдвижении ее на Нобелевскую премию [6, с. 235] (на самом деле выдвижение состоялось в 1965 г.). Возможно, это и были стихи, посланные Михайлову вместе с письмом и вереском. Если так, то датировку списка поручений можно уточнить: 1962 г., август, после 13-го.

Шестым пунктом указан литературовед и искусствовед Николай Харджиев, с которым Ахматова познакомилась в 1930 г. и состояла в неизменной дружбе, а время от времени и в литературном сотрудничестве⁴⁵. Скорее всего, Ахматова просила Глен сообщить ему сведения о ситуации с изданием книги Мандельштама, речь о которой уже шла в этой статье в связи с Надеждой Мандельштам и Варварой Шкловской-Корди.

В седьмом пункте названа Татьяна Ильинична Коншина (в девичестве Игнатова, в первом браке Девочкина, 1891–1972)⁴⁶ — историк, музейный работник; работала в Историческом музее, затем — в Академии наук СССР⁴⁷. В марте 1938 г. Коншина была арестована как «член семьи врага народа», прошла через тюрьму и лагерь, в декабре 1939 г. была освобождена; ее мужа, инженера Семена Николаевича Коншина, арестованного в 1937 г., в 1938 г. расстреляли⁴⁸. Ахматова была дружна с Коншиной и с ее сестрой Натальей Ильиничной Игнатовой (1900–1957)⁴⁹ — филологом и переводчицей, ученицей

⁴⁵ См.: [1, с. 167–168; 3; 4; 16] и др.

⁴⁶ Фамилия в первом браке и дата рождения дается по: Коншины // Форум союза возрождения родословных традиций. URL: <https://forum.svrt.ru/topic/10549-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8B/> (дата обращения: 4.05.2025). Дата рождения Коншиной в разных источниках разнится ([17, с. 902] — 1898 г.; [18, с. 622] — 1889 г.; РГБ. Ф. 218 (собрание единичных поступлений). № 1279, в описи — 1892 г.). На форуме дата указана с максимальной полнотой (1 апреля 1891 г.), что придает ей убедительности.

⁴⁷ Места работы Коншиной указываются по: Шук Н. Талант быть другом // Звезда. 1979. № 6. С. 167.

⁴⁸ Данные по базе из сети «ВКонтакте»: <https://vk.com/openlist.wiki>. С неточностями: [18, с. 622].

⁴⁹ В разных источниках приводятся различные даты жизни Игнатовой; здесь указаны по: [17, с. 611, 899].

и другом философа Густава Шпета⁵⁰; Игнатова «долгие годы работала в Музее МХАТа»⁵¹, а «в последние годы своей жизни работала редактором в издательстве АН СССР» [18, с. 622].

Свидетельство Герштейн: «В 1952 году в санатории Академии наук “Болшево” Анна Андреевна познакомилась с Натальей Ильиничной Игнатовой и ее старшей сестрой Татьяной Ильиничной Коншиной⁵². Обе дочери известного публициста и критика “Русских ведомостей” Ил. И. Игнатова, образованные, прекрасно владеющие европейскими языками, умные, благородные по характеру и нежно привязанные друг к другу, стали на ближайшие годы желанными собеседницами Анны Андреевны. Уже немолодые и больные (Наталья Ильинична <...> умерла от белокровия), они не хотели лишать себя своих излюбленных привычек. По договоренности со знакомым шофером, за доступную плату, они выезжали несколько раз в год в красивейшие места Подмоскovie, которые москвички Игнатовы отлично знали. Часто они приглашали на эти прогулки Анну Андреевну, она рассказывала мне о поездках по Рогачевскому шоссе — это блоковские места. Вот почему Ахматова посвятила свое стихотворение “Пора забыть верблюжий этот гам...” Н.И. Игнатовой⁵³ (его заключительные строки: “И помнит Рогачевское шоссе Разбойный посвист молодого Блока...”). Наталья Ильинична хорошо знала русских символистов, интересовалась музыкой и философией, в частности, в течение длительного времени она разбирала в рукописном отделе Ленинской библиотеки архив издательства “Мусагет”, что требовало специальных и глубоких знаний. Но, человек резкого и острого ума, она, по моему мнению, не обладала поэтическим чутьем. И когда Анна Андреевна по своему обыкновению подарила сестрам машинописный экземпляр “Поэмы без героя”, это произведение не понравилось Наталье Ильиничне»⁵⁴.

Старшая сестра также принимала в творчестве Ахматовой не все. Ахматова подарила ей «Бег времени» с надписью, в которой поминает Наталью Ильиничну: «Милой Татьяне Ильиничне / Коншиной / на память / о Той, / кто всегда с нами. / дружески / Ах-

⁵⁰ Письма Г.Г. Шпета к Н.И. Игнатовой / публ. Т. Щедриной // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 359.

⁵¹ Шик Н. Талант быть другом. С. 167.

⁵² В воспоминаниях самой Коншиной указано, что сестры были знакомы с Ахматовой с конца 1940-х гг. (Коншина Т. Воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой / публ. Н. Шик // Звезда. 1979. № 6. С. 168), но сведения об их общении в конце 1940-х гг. отсутствуют.

⁵³ Впоследствии посвящение было снято.

⁵⁴ Герштейн Э. Поэт поэту — брат // Знамя. 1999. № 10. С. 143.

матова / 17 окт. / 1965 / Москва»⁵⁵. В книге пометы рукой Коншиной, в том числе и оценочные. Так, возле стихотворения «Ты выдумал меня...» (на с. 387) написано: «1956 г. и все-таки все встречи все любовь». Из записей Коншиной об Ахматовой: «Очень люблю беседовать с Анной Андреевной, люблю ее юмор, ее мудрость, ее большие знания, как в области литературы, так и в области человеческой психологии. Странно, этого ведь совсем не чувствуется в ее стихах, в них нигде нет юмора, нечего в них искать и той житейской мудрости, которая сквозит в ее речах. Лирика, любовный накал, романтика, которыми наполнены ее стихотворения, полностью отсутствуют в беседах с нею. Вот такова она. Но дать ее характеристики — я не могу. Не умею я этого не только по отношению к ней <...> Ее взгляд на современную литературу своеобразен и интересен»⁵⁶.

Ахматова также любила общаться с Татьяной Ильиничной и Натальей Ильиничной. В 1953 г. она сказала Чуковской о языке Замоскворечья: «Пойдешь в баню и слушаешь банщиц: “а татары-то разодрались” — словно симфонию... Дивно говорит Борис Леонидович, чисто по-московски, лучшего языка я не слыхивала. И сестры Игнатовы. Фонетически определить, в чем тут дело, я не могу, но наслаждение их слушать» [18, с. 70].

Сохранились пять телеграмм и письмо Ахматовой к Коншиной (1957–1963)⁵⁷, в том числе — телеграмма от 5 июня 1962 г., посланная Ахматовой по московскому адресу Татьяны Ильиничны из Москвы незадолго до отъезда: «ГРУЩУ ЧТО НЕ ПОВИДАЛАСЬ ВАМИ НЕ ХВАТИЛО СИЛ ЛЮБЛЮ ПОМНЮ ОБЕИХ ПИШИТЕ КОМАРОВО = ВАША АХМАТОВА»⁵⁸. Эта телеграмма, думается, поясняет, что значит имя Коншиной в списке поручений Глен: вероятнее всего, Ахматова просила рассказать Татьяне Ильиничне о своих делах, передать привет, а, возможно, и благодарность

⁵⁵ Дается по оригиналу: РГБ. Ф. 218. Карт. 1304. Ед. хр. 4. Надпись синей шариковой ручкой на авантитуле сборника. Впервые (вместе с другими дарственными надписями сестрам Игнатовым): Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М.: Книга, 1995. С. 38–39.

⁵⁶ Мемуарная заметка Коншиной под названием «Анна Ахматова — поэтесса» входит в воспоминания Коншиной «Разное о моих современниках», в которых рассказывается о детстве, об отце и его двоюродном брате, писателе Михаиле Пришвине, о сестре и т. д. (РГБ. Ф. 218. Карт. 1279. Ед. хр. 23. 104 лл.; цит. фрагменты об Ахматовой — л. 45, 46 об.). Несколько более полная версия воспоминаний об Ахматовой существует отдельно (Там же. Ед. хр. 26), см.: *Коншина Т.* Воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой. См. также: *Коншина Т.И.* Просто одно воспоминание / публ. и примеч. А. Малькова // Русская мысль. 1992. 16 октября. № 3950. Спец. прил. С. 3–4.

⁵⁷ См.: *Шик Н.* Талант быть другом. С. 166–167.

⁵⁸ Дается по оригиналу: РГБ. Ф. 218. Карт. 1279. Ед. хр. 26. Л. 2. Впервые: *Шик Н.* Талант быть другом. С. 166.

за письмо. Ср. дневниковую запись Ахматовой конца декабря 1961 г.: «Через Глен <...>. Коншиной Тат<ьяне> Ил<ьиничне> (благодарю за письмо)» [6, с. 178].

Восьмой пункт в списке: «Нине Манухиной». Имеется в виду вдова поэта, друга Ахматовой Георгия Шенгели поэтесса и переводчица Нина Леонтьевна Шенгели (Лукина, в первом браке Манухина — эту фамилию она оставила себе как литературное имя). Знакомство с ней Ахматовой относится, по-видимому, ко второй половине 1920-х гг. Ахматова не раз останавливалась в доме Георгия и Нины Шенгели, а после смерти Георгия Аркадьевича в 1956 г. ее гостеприимно встречала Нина Леонтьевна. Упоминание Манухиной в записке означает, скорее всего, просьбу передать ей «телефонный привет».

На этом пункте собственно ахматовская записка кончается горизонтальной петлей, после которой идут дополнения, сделанные Глен.

Пункт девятый — «Озеров». Дружеское общение Ахматовой с поэтом, переводчиком и критиком Львом Адольфовичем Озеровым началось в 1959 г., причиной стала рецензия, написанная Озеровым на ахматовский сборник 1958 г. Это был первый печатный отклик на ее творчество после многих лет замалчивания. 8 августа 1962 г. Глекин, посетив Ахматову в Комарове, записал: «Л.А. Озеров пишет Анне Андреевне, что он закончил свою статью о ней, испытав адковы муки — обычная его склонность к преувеличению!»⁵⁹. На этом этапе новая статья могла казаться Озерову оконченной, однако он продолжал советоваться о ней с Ахматовой, проявлявшей явную заинтересованность. Имя Озерова в списке поручений наверняка означает, что она хотела прочесть написанное. Ср. с дневниковой ахматовской фиксацией поручений для Ольшевской, сделанной через месяц после записи Глекина: «7 сент<ября>. Уезжает Нина. <...> III. Просить Озерова показать Нине, что он обо мне написал. (Не травмируя его — он очень обидчивый.)» [6, с. 248]. 7 октября, после беседы с Ахматовой, уже находящейся в Москве, Чуковская записала: «Я спросила, как она думает, будет ли прок от той статьи, которую пишет сейчас о ее стихах Лев Озеров? (Он, я знаю, держит ее в курсе своей работы.)

— Прок будет. Только слишком много Пушкина. И незачем сопоставлять меня и Марину. Это неплототворно» [18, с. 527]. Подробнее рассказал об ахматовских замечаниях сам Озеров (о слишком сильном акценте на пушкинском влиянии на Ахматову и о «гимназической затее» — сравнивать ее с Цветаевой): «После внушительного

⁵⁹ Глекин Г.В. Что мне дано было... С. 190.

перерыва, занятого монологом Ахматовой о Пушкине, я с грехом пополам дочитал свою статью, которую, придя домой, начал расшвыривать и марать» [5, с. 597–598]. Воспоминания Озерова о перипетиях с уже готовой статьей: «Скрываю от Анны Андреевны, что моя статья в “Литературной России” отложена на неопределенное время. Она угадывает и говорит:

— Я не тот товарищ, от которого надо что-либо скрывать. Разве не я сорок лет проходила известную вам школу. Не будет статьи.

— Будет, — ответил я. <...>

Через некоторое время полоса в “Литературной России” появляется, звоню Ахматовой перед ее отъездом.

— Вы так много сделали. Очень грустно, что не успеем с вами увидеться. Примите наибольшую благодарность из всех возможных»⁶⁰.

Статья была напечатана в «Литературной России» 1 февраля 1963 г. под названием «Тайны ремесла».

Пункт 10 — «Липкин». С Семеном Израилевичем Липкиным Ахматова дружила с 1949 г., высоко ценила его как поэта и переводчика⁶¹. По свидетельству Владимира Муравьева, Ахматова «делала упор на то, что “надо воздать должное четырем поэтам, которым не воздано, четырем замечательным современным поэтам”. Это были Липкин, Корнилов, Самойлов и Тарковский» [1, с. 63]. Какое поручение Ахматова дала Глен насчет Липкина, неизвестно. Возможно, просто просила передать ему привет.

Пункт 11 — «Зенкевич». Михаил Александрович Зенкевич — соратник Ахматовой по «Цеху поэтов» и акмеизму, они были знакомы с 1911 г.⁶² Для Ахматовой Зенкевич — честный свидетель главных событий их молодых лет [6, с. 204, 376, 612 и др.]. Оба вспоминали, как в марте 1912 г. одновременно вышли их первые сборники («Вечер» Ахматовой и «Дикая порфира» Зенкевича) и Михаил Александрович отвез эти книги из типографии в книжный магазин. Зенкевич рассказывал о себе и Ахматовой: «Да, в литературу мы вошли одновременно. <...> В тот мартовский вечер <...> состоялось собрание Цеха. / Чествовали нас, дебютантов. Сергей Митрофанович Городецкий сплел лавровые венки и возложил на наши головы» [5, с. 91]. Ахматова записала (с некоторым отличием в деталях): «В Цехе, когда одновременно вышли “Дикая порфира” и “Вечер”, их авторы сидели в лавровых вен-

⁶⁰ Озеров Л. Дверь в мастерскую. Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1996. С. 106–107.

⁶¹ О его отношениях с Ахматовой см.: Липкин С.И. Квадрига. М.: Книжный сад, 1997. С. 497–505, а также [18, с. 724–726; 1, с. 178–179].

⁶² Об Ахматовой и Зенкевиче см.: [1, с. 199–200; 7; 14].

ках. Веночки сплела я, купив листья в садоводстве А.Я. Фишера. <...> Хорошо помню венок на молодых кудрях Михаила Александровича» [17, с. 84]. Они общались до конца жизни Ахматовой. Но в связи с чем Анна Андреевна включила Зенкевича в список поручений, неясно. Вероятно, ему предназначался просто привет.

Последними — без нумерации — записаны два имени: «Галия Корнилова», «Маркиш». Эти имена объединены фигурной скобкой, возле которой указано: «сонет». Хотя в поздние годы Ахматовой было написано несколько сонетов⁶³, Корниловой и Маркишу она наверняка просила передать тот же только что завершённый сонет, что и Чуковской.

Молодой прозаик и редактор Галина Корнилова (урожд. Еремеева) познакомилась с Ахматовой, очевидно, в октябре 1956 г. Сама Корнилова называла разные даты знакомства. Из радиоинтервью об Ахматовой: «Я познакомилась с Анной Андреевной в преддверье 58-го года. Я кончила институт и аспирантуру и устроилась работать в журнал “Культура и жизнь”, который выходил на границу. Этот журнал располагался в здании ВОКСа»⁶⁴. Получив задание подготовить публикацию «Писатели рассказывают», Корнилова добилась разрешения обратиться в числе прочих и к Ахматовой, вместе с коллегой Валерией Владыкиной побывала у нее в квартире Ардовых и договорилась, что Ахматова напишет для журнала о своей нынешней работе над переводами и собственными произведениями. В архиве ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) хранится папка «Личное дело: Галина Петровна Корнилова. 24 июля 1956 — 01 ноября 1956»⁶⁵. Судя по этим датам, Корнилова работала там не в 1958 г., а в 1956 г. На папке личного дела Валерии Семеновны Владыкиной проставлены даты «04 апреля 1950 — 01 ноября 1956». Соответственно, встреча с Ахматовой должна была произойти осенью 1956 г., поскольку Корнилова говорила о преддверье и вспоминала, что «был страшно холодный, ветреный день, сумасшедший»⁶⁶. «...Когда я пошла домой, я думала только о том,

⁶³ Об ахматовских сонетах см., например: [15].

⁶⁴ Диалог ума и сердца. Литературные разговоры с Анатолием Макаровым. Гость: писатель Галина Корнилова. 15 ноября 2014 // Сайт «Смотрим». URL: <https://smotrim.ru/audio/1322369> (дата обращения: 1.05.2025).

⁶⁵ ГАРФ. Р 5283 28 612. За указание на личное дело Корниловой благодарю Г.Г. Суперфина и Р.Д. Тименчика. В начале 1958 г. ВОКС было трансформировано и переименовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) с переходом большинства сотрудников в новую организацию. Журнал «Культура и жизнь» выходил с 1957 г. как орган ВОКС, с весны 1958 г. — ССОД.

⁶⁶ Магнитофонная запись воспоминаний Г.П. Корниловой об А.А. Ахматовой, выступление в МАА 23 июня 2002 г. Фрагмент приводится по копии записи в архиве О.Е. Рубинчик.

какой мне Господь подарок дал, что вот теперь я всю жизнь буду это лелеять, что у меня такое в жизни случилось»; однако знакомство на этом не закончилось — через несколько дней Ахматова позвонила сама: «“Гая, это говорит Ахматова. Я хочу вас видеть”. И с тех пор я ездила на Ордынку, <...> на Садовую, где жила Ника Глен, в Сокольники, где жила Люба Большинцова, в Ленинград на улицу Ленина, на улицу Красной Конницы и во все больницы <...>. Но я сразу поняла, что дело тут не во мне, я абсолютно не обольщалась на свой счет. Я поняла, что в это время Анне Андреевне очень важно было услышать, как воспринимают ее стихи люди другого поколения. Как относятся к ее стихам ее ровесники, она давно и хорошо знала. Вот поэтому ей и были интересны люди моего возраста. Не только я, у нее ведь много было таких людей в окружении»⁶⁷.

Текст Ахматовой для «Культуры и жизни» — в сопровождении ее карандашного портрета работы Александра Тышлера (1943) — был опубликован в первом (январском) номере журнала за 1957 г. (с. 11–12) наряду с рассказами о своей работе Николая Тихонова, Леонида Леонова и др.; составитель публикации не указан. В 1960-е Корнилова работала в «Литературной газете»⁶⁸, затем заведовала отделом поэзии в журнале «Знамя»⁶⁹ — и всюду старалась публиковать Ахматову, что удавалось отнюдь не всегда. Ахматова ценила Корнилову как издательского работника, обращалась к ней за помощью по литературным делам — и с искренней симпатией относилась к ней и ее первому мужу, поэту Владимиру Корнилову, талант которого высоко ценила⁷⁰. «Сейчас придут Корниловы, ко-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Я перешла работать в “Литературную газету” в 1960 году...» (Там же). О том, как в 1960 г. работавшие в «Литературной газете» Лазарь Лазарев и Галина Корнилова пришли к Ахматовой за стихами, см.: *Лазарев Л.И.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М: Книжный сад, 1999. С. 104. В результате вышла подборка из трех стихотворений: *Ахматова А.* Из новой книги // Лит. газета. 1960. 29 октября. № 129. С. 3.

⁶⁹ «В 1964 году я поступала на работу в журнал “Знамя” в качестве заведующего отделом поэзии» (из рассказа Корниловой о работе в журнале, см. в публ.: Однажды в «Знамени»... // *Знамя*. 2001. № 1. С. 135). В поздние годы Корнилова работала в Музее Константина Паустовского, в 1992–2017 гг. была главным редактором журнала «Мир Паустовского».

⁷⁰ Ср.: «Речь зашла о стихах Корнилова, и мы наперебой хвалили их. Анна Андреевна сказала: — Он берет все в лоб, обычно это худо, а ему удастся» ([18, с. 520]; запись от 23 сентября 1962 г.). 15 апреля 1964 г. Ахматова дала Корнилову рекомендацию в Союз писателей, в которой отмечала «талант точной и выразительной обрисовки современных характеров, а также настойчивые и плодотворные поиски путей поэтического освоения современной разговорной речи...» (*Корнилов В.Н.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Хроникер, 2004. Т. 2. С. 387). В ноябре 1963 г. Корнилов женился на переводчице Ларисе Беспаловой, с которой познакомил Ахматову («Я не слова ищу — скрытую за словами тайну». Елена Константинова о писателе и поэте Владимире Корнилове // Свободная пресса. 2016. 1 февраля. URL: <https://yarcenr.ru/articles/culture/ya-ne-slova-ishchu-skrytuyu-za-slovami-taynu/?ysclid=m84cafuv2r160470106> (дата обращения: 1.05.2025); см. также [6, с. 457]).

торых Анна Андреевна любит», — отметила в дневнике Чуковская 29 мая 1962 г. [18, с. 496]. Галина Петровна познакомила Ахматову не только с мужем-поэтом, но и со своими друзьями: Натальей Горбаневской, Булатом Окуджавой, Борисом Вахтиным и др. Зоя Светова пишет о Галине Корниловой: «Когда я думаю о ней, мне в голову приходит одно слово <...>: Благородство. <...> Письма в защиту гонимых в семье Корниловых подписывали по очереди, чтобы кто-то один не потерял работу. <...> В их доме бывали самые известные писатели, поэты. И, конечно, Галя была красавицей. Расставшись с Владимиром Корниловым, она вышла замуж за переводчика и новомирского редактора Сергея Ларина. Человека потрясающего...»⁷¹. «Моя дорогая Галя! — писала Ахматова 7 сентября 1964 г. из Комарова. — Постоянно вспоминаю Вас и очень грущу, что Вас нет около меня. <...> Благодарю Вас за Ваши постоянные заботы обо мне. <...> Целую Вас. Ваша Ахматова» [2, т. 2, с. 252].

Возможно, посылая Корниловой «Сонет», Ахматова думала о его публикации⁷². Кроме «Сонета» и приветственных слов, Ахматова, очевидно, просила Глен передать Галине Петровне вопрос, не придет ли она в Комарово. Корнилова приехала, о чем свидетельствует ее запись от 14 сентября 1962 г.: «Сегодня весь день в Комарово у Анны Андреевны. Она лежит, болеет, очень обрадовалась моему приезду»⁷³. А 18 сентября Ахматова в сопровождении Корниловой отправилась в Москву [17, с. 708–709].

С филологом и переводчиком Симоном (Шимоном) Перецовичем Маркишем Ахматова «дружила, регулярно виделась в те годы. Он был для нее авторитетом в области древней литературы и, при случае, консультантом в поисках той или иной цитаты»⁷⁴. «В первый раз я пришел к Анне Андреевне Ахматовой в мае 1956-го, — вспоминал Маркиш. — За полгода до того был посмертно ре-

⁷¹ Пост Зои Световой на смерть Галины Корниловой («Вчера умерла мама моей любимой подруги и подруга моих родителей Галина Корнилова») на странице «Ekaterina Kornilova» в социальной сети от 8 июля 2021 г.

⁷² Опубл. под названием «Говорит Дидона (Сонет-эпиграф)» в подборке из трех стихотворений: *Ахматова А.* Из цикла «Шиповник цветет» // Литература и жизнь. 1962. 26 октября. № 128 (706).

⁷³ Эту запись Корнилова привела целиком в своем выступлении в МАА 23 июня 2002 г.

⁷⁴ *Найман А.* «Спросить у Симы» // Лехаим. 2021. 8 марта. URL: https://lechaim.ru/events/sprosit-u-simy/?fb_comment_id=3728175820603382 (дата обращения: 1.05.2025). Здесь же: «На моих глазах так было, к примеру, с фрагментом, пошедшим на эпиграф к ее стихотворению “Зазеркалье”». Имеется в виду стихотворение «В Зазеркалье» («Красотка очень молода...») с эпиграфом из Горация. О другом эпиграфе из Горация, к стихотворению «Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...», см.: *Маркиш С.* «Могучая евангельская старость...» // Знамя. 1997. № 11. С. 120.

абилитирован мой отец, еврейский поэт Перец Маркиш, казненный 12 августа 1952 г. в числе руководителей и сотрудников Еврейского антифашистского комитета. Тут же моя мать, Эстер Маркиш, начала готовить сборник стихов отца в русских переводах, который, естественно, хотелось украсить самыми громкими именами переводчиков. <...> когда оказалось, что я поеду в Ленинград по служебному делу, мать поручила мне позвонить Ахматовой — на всякий случай. Я позвонил, и Анна Андреевна сразу согласилась, сказала что-то вроде “ну, конечно, естественно” — и пригласила к себе⁷⁵. <...> скажу о чувстве, которое она с первого мгновения внушила мальчишке (мне было двадцать пять лет), не очень застенчивому от природы и успевшему уже кое-что повидать на недолгом своем веку. Тогда оно мне показалось какою-то скованностью, неловкостью, и я отнес его на счет благодарности за нераздумывающую щедрость, с которой она ответила на нашу просьбу. И лишь много лет спустя, уже после смерти Анны Андреевны, я понял, что это было благоговение, которое обычный человек испытывает, не может не испытывать в присутствии чего-то или кого-то высшего. <...> помню, она спросила, где я учился и чему, и, узнав, что я классик, осталась явно довольна. Я думаю, что немодное тогда классическое образование (классическое отделение было своего рода ссылкой, которой в Москве на филфаке заменяли абитуриенту приговор куда более жесткий: забирай документы и уходи), так вот, я думаю, что классическое образование послужило мне в какой-то мере дополнительным пропуском к Ахматовой. Я говорю “дополнительным”, потому что уверен: главным было имя отца. И не в том, как мне думается, дело, что его убили в застенке. Главное, по-моему, сказано в воспоминаниях о Мандельштаме (“Листки из дневника”). Рассказывая об аресте 1934 года, Анна Андреевна отмечает мимоходом: “Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш”⁷⁶. / С того майского дня и до конца, до февраля

⁷⁵ Ср. воспоминания матери С. Маркиша: «...я обратилась ко многим крупным поэтам с просьбой принять участие в работе над переводами стихов Маркиша на русский язык. С благодарностью откликнулся на мое письмо Анна Ахматова» (*Маркиш Э.Е.* Столь долгое возвращение... М.: Книжники, 2018. С. 356).

⁷⁶ «Его отца, знаменитого еврейского поэта Перца Маркиша, расстрелянного в 1952 году, она знала еще в молодости...» [10, с. 114]. Симон Маркиш «был обаятелен и очень привлекателен внешне. Его отец был неправдоподобно красив. Ахматова рассказывала, что в начале 1920-х в Париже, оставшись совсем без денег, он пошел по объявлению на конкурс красоты того округа, в котором жил, и получил первый приз. Мать я увидел, когда ей уже было 50: яркая речь, яркая внешность, сочетание резкости жеста и редкостного изящества. <...> Если не упускать из вида, что отец был замечательным поэтом и принадлежал к русско-еврейской богеме Европы, то на память не могут не прийти персонажи Пруста — парижские евреи — артисты, интеллектуалы, их чарующие жены» (*Найман А.* «Спросить у Симы»). Ахматова перевела с идиша семь стихотворений Перца

1966-го, я видел Анну Андреевну в каждый ее приезд в Москву, но никогда больше — в Ленинграде. Она звонила сама»⁷⁷.

В 1961 г. Ахматова дала Маркишу рекомендацию в Союз писателей: «...Прекрасную филологическую выучку он счастливо соединяет с подлинно писательским отношением к слову. <...> В одной из труднейших областей переводческого искусства, в переводах с античных языков, он добился выдающихся успехов (переводы Лукиана и Апулея). Но большой интерес представляют и переводческие работы С.П. Маркиша, выполненные с современных западных языков <...> / Большого внимания заслуживают и литературоведческие работы С.П. Маркиша...»⁷⁸. К рекомендации приложен длинный список переводов (Лукиан, Апулей, Ульрих фон Гуттен, Ф. Рабле, Э. По, Джером К. Джером, М. Твен, Т. Манн), статей, отредактированных Маркишем произведений.

Друзья Маркиша характеризуют его так: «Его эрудицию, острый и парадоксальный ум ценили Анна Ахматова, Надежда Мандельштам, Борис Пастернак»⁷⁹; «До сих пор не понял и впредь не пойму, как сочетал он всепоглощающий, беспощадный труд

Маркиша (вошли в: *Маркиш П.* Избранное: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1957; до этого были публикации в периодике); «Среди своих переводов выделяла <...> “Осень” Перца Маркиша:

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь искать свою нору.

Могла к случаю <...> сказать: “У Маркиша прелестно: увядший листок — как золотая мышь”» [10, с. 158]. Ахматова выступала на вечерах памяти Перца Маркиша в 1957 г. и 25 ноября 1960 г. (*Озеров Л.* Дневники 1951–1960 годов (фрагменты) / публ. А. Озеровой и С. Зенкевича // *Арион*. 2014. № 4. С. 93; *Маркиш Э.Е.* Столь долгое возвращение... С. 368–369).

⁷⁷ *Маркиш Ш.* «Могучая евангельская старость...». С. 119–120.

⁷⁸ Цит. по машинописной копии, дата 3 мая 1961 г.: РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 692.

Поэт и переводчик Андрей Сергеев с женой, филологом Людмилой Сергеевой, приехав из Москвы в Ленинград на майские праздники 1961 г., побывал у Ахматовой на ул. Красной Конницы: «Когда мы собрались уходить, Анна Андреевна попросила нас передать Симе Маркишу ее рекомендацию для вступления в Союз писателей. <...> Симе рекомендация нужна была срочно, а мы ночью уезжали в Москву. Машинописный текст рекомендации в двух экземплярах мы и привезли Симе Маркишу. Утром позвонили ему, он тут же приехал к нам <...> тут только мы все трое заметили, что они не подписаны. Позвонили в Ленинград Анне Андреевне. Ее спокойный голос в трубке: “Не страшно. Сурков это сделает даже лучше, чем я. Он часто за меня расписывается”» (*Сергеева Л.Г.* Жизнь оказалась длинной. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 66–67).

⁷⁹ Памяти друга // *Лехаим*. 2004. Январь. № 1 (141). URL: <https://www.lechaim.ru/ARHIV/141/yurskiy.htm> (дата обращения: 4.05.2025). Среди подписей под некрологом — имена Жоржа Нива, Владимира Войновича, Сергея Юрского.

с добротой и талантом общения. Известно же, они враждебны друг другу, несовместимы <...> Друзья называли его Моцартом перевода. Нешедрый на похвалы Иосиф Бродский объяснял “секрет Маркиша” проще: гений!»⁸⁰

В дневниках Ахматовой — среди записей о том, что нужно позвонить Маркишу, что придет Маркиш, о дарении ему рукописей и книг — есть выписка из его статьи «О языке и стиле Апулея» [6, с. 109]. И есть помета: «Пусть Маркиш (Сима⁸¹) скажет, советует ли он печатать “Дом поэта”» [6, с. 178]. Речь идет про стихотворение «Александр у Фив», об Александре Македонском и древнегреческом поэте Пиндаре⁸². Думается, что, посылая Маркишу через Глен сонет о Дидоне и Энее, Ахматова также рассчитывала на профессиональную оценку античника.

Приведенный список поручений Нике Глен в определенной степени показывает круг московских друзей Ахматовой начала 1960-х гг. В этот круг входили люди разного возраста, обретенные в разные периоды ее жизни: в юности, как Зенкевич, в зрелые годы, как Чуковская, и в старости, как совсем молодые Корнилова и Маркиш. А пристальное рассмотрение «слепого», казалось бы, перечня имен и дел позволяет отчасти понять характер забот, проблем и интересов Ахматовой этого времени.

Литература

1. Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / введение Н.И. Поповой, О.Е. Рубинчик; сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. 224 с.

2. Ахматова А.А. Соч.: в 2 т. / сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Цитадель, 1996.

⁸⁰ Кораллов М. Договорить бы... // Лехаим. 2021. 7 марта. URL: <https://lechaim.ru/events/112073/> (дата обращения: 4.05.2025).

О дальнейшей судьбе Маркиша: «Уехал он из России как-то тихо и внезапно (1970 год). В Будапешт. В Женеву. <...> Он преподавал в Венгрии, Швейцарии, Франции, Австрии, Испании, США. <...> Он много писал — статей, комментариев, книг — ездил на разнообразные симпозиумы, конференции. Но стержневой темой стала русско-еврейская литература, русскоязычная культура российского еврейства. <...> Дорога окончилась в Женеве, в 2003-м. После чего прах Шимона был перевезен в Израиль и погребен под Тель-Авивом» (Найман А. «Спросить у Симы»).

⁸¹ Ахматова была также знакома с братом Симона Давидом Маркишем и их матерью Эсфирью (Эстер) Маркиш (см. [6, с. 71, 40]; Маркиш Э.Е. Столь долгое возвращение... С. 107, 182, 356, 368–369; главу об Ахматовой в кн.: Маркиш Д. Записки из прошлого времени. Берлин: Изд-во книжного магазина «Бабель», 2024).

⁸² Стихотворение было опубл. под названием «Александр у Фив» с подзаголовком «Дом поэта» в «Литературной газете» за 16 января 1962 г. (№ 7. С. 2).

3. *Бабаев Э.Г.* А.А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) // Тайны ремесла: Ахматовские чтения: Вып. 2 / ред.-сост. Н.В. Королева, С.А. Коваленко. М.: Наследие, 1992. С. 214–247.
4. *Баран Г.* Письма А. А. Ахматовой к Н.И. Харджиеву // Russian Literature. 1974. Vol. 3. № 2-3. С. 5–17.
5. Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин, В.А. Черных. М.: Сов. писатель, 1991. 720 с.
6. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступит. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В.А. Черных. М; Torino, 1996. 852 с.
7. *Игошева Т.* Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче // Русские поэты XX века: мат-лы и исслед. Анна Ахматова (1889–1966). М.: Азбуковник, 2021. С. 96–107.
8. *Кононов А.Н.* Михаил Семенович Михайлов (к семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 229–230.
9. *Кононов А.Н.* Памяти Михаила Семеновича Михайлова (23.III.1896 — 16.V.1969) // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 240–241.
10. *Найман А.Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
11. *Рубинчик О.Е.* «...И пожелать здоровья, покоя и воли». Из переписки Б.Ф. Егорова, Н.Я. Мандельштам и Л.Я. Гинзбург // Проблемы изучения российской словесности. Сб. статей по мат-лам Всерос. науч. конф. В честь 90-летия профессора Бориса Федоровича Егорова / под ред. Л.Е. Ляпиной. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 158–167.
12. *Рубинчик О.Е.* О Нике Николаевне Глен и ее архиве // Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и ее время. М.: Азбуковник, 2018. С. 480–492.
13. *Рубинчик О.Е.* «...Передала мне высочайшие распоряжения...»: Ахматовская записка с поручениями Нике Глен // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 336–355. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-336-355
14. *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: левый фланг акмеизма // Блоковский сб. XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 152–161. (Сер. Acta Slavica Estonica, VII).
15. *Федотов О.И.* Сонеты Анны Ахматовой как цикл // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 4. С. 32–47.
16. *Харджиев Н.И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла: Ахматовские чтения: Вып. 2 / ред.-сост. Н.В. Королева, С.А. Коваленко. М.: Наследие, 1992. С. 229–232.
17. *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.
18. *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. / изд. подгот. Е.Ц. Чуковская и Ж.О. Хавкина при участии Е.Б. Ефимова. М.: Согласие, 1997. Т. 2. 832 с.

“Pass the Sonnet and Quatrain” Anna Akhmatova’s Note with Instructions to Nika Glen

© 2026. Olga E. Rubinchik

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: This article publishes and analyzes for the first time one of the three surviving notes of Anna Akhmatova with instructions to her literary secretary Nika Glen, and cites a number of other archival materials. The notes with instructions to Nika Glen are mostly “blind” lists of names of those to be addressed. It seems impossible to date and decipher the texts, but the information accumulated by Akhmatology makes it necessary to “take up the challenge” – it helps to fit these documents into the context of events. The published note is Akhmatova’s autograph, supplemented by Glen’s hand. It was written in Komarovo in August 1962 when Glen left for Moscow. The attribution is substantiated in detail in the article. The list of assignments shows to a certain extent the circle of Akhmatova’s Moscow friends of the early 1960s. This circle included people of different ages and acquired at different periods of her life: in her youth, like Mikhail Zenkevich, in her mature years and in her old age, like the young Galina Kornilova and Simon Markish. A close examination of the note allows us to partially understand the nature of Akhmatova’s concerns, problems, and interests of this time.

Keywords: Anna Akhmatova, Nika Glen, epistolary, biographica, sonnet, quatrain, poetic sketch.

Information about the author: Olga E. Rubinchik, PhD in Philology, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5609-1819>

E-mail: rubinchik_olga@mail.ru

For citation: Rubinchik, O.E. “Pass the Sonnet and Quatrain”: Anna Akhmatova’s Note with Instructions to Nika Glen. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 163–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-163-191>

References

1. *Anna Akhmatova: poslednie gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'ev, Tomas Ventslova* [Anna Akhmatova: The Last Years. As told by Viktor Krivulin, Vladimir Muravyov, Tomas Venclova]. Introduction by N.I. Popova, O.E. Rubinchik, compiled and commented by O.E. Rubinchik. St. Petersburg, Nevsky Dialect Publ., 2001, 224 p. (In Russ.)
2. Akhmatova, A.A. *Soch. [Works]*, in 2 vols, compiled and prepared by M.M. Kralin. Moscow, Tsitadel' Publ., 1996. (In Russ.)

3. Babaev, E.G. A.A. "Akhmatova v pis'makh k N.I. Khardzhievu (1930–1960–e gg.)" ["A.A. Akhmatova in letters to N.I. Khardzhiev (1930–1960s)"]. *Tainy remesla: Akhmatovskie chteniia* [*Secrets of the Craft: Akhmatova Readings*]. Ed.-comp. N.V. Koroleva, S.A. Kovalenko, iss. 2, Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 214–247. (In Russ.)

4. Baran, G. "Pis'ma A. A. Akhmatovoi k N.I. Khardzhievu" ["Letters from A.A. Akhmatova to N. I. Khardzhiev"]. *Russian Literature*, Paris, 1974, vol. 3, no 2–3, pp. 5–17.

5. *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi* [*Memories of Anna Akhmatova*], comp. V.Ya. Vilenkin, V.A. Chernykh. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1991, 720 p. (In Russ.)

6. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966)* [*Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)*], comp. and text preparation by K. N. Suvorova, introduction by E.G. Gershtein, scientific consultation, introductory notes, indexes by V.A. Chernykh. Moscow; Torino, 1996, 852 p. (In Russ.)

7. Igosheva, T. "Eshche raz ob A. Akhmatovoy i M. Zenkeviche" ["Once Again about A. Akhmatova and M. Zenkevich"]. *Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966)* [*Russian poets of the twentieth century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 96–107. (In Russ.)

8. Kononov, A.N. "Mikhail Semenovich Mikhailov (k semidesiatiletiu so dnia rozhdeniia)" ["Mikhail Semenovich Mikhailov (on his Seventieth Birthday)"]. *Narody Azii i Afriki*. 1966, no 2, pp. 229–230. (In Russ.)

9. Kononov, A.N. "Pamiati Mikhaila Semenovicha Mikhailova (23.III.1896 – 16.V.1969)" ["In memory of Mikhail Semenovich Mikhailov (23.III.1896 – 16.V.1969)"]. *Narody Azii i Afriki*. 1969, no 6, pp. 240–241. (In Russ.)

10. Nayman, A. G. *Rasskazy o Anne Akhmatovoy* [*Stories about Anna Akhmatova*]. Moscow, Art. lit. Publ., 1989, 302 p. (In Russ.)

11. Rubinchik, O.E. " '...I pozhelat' zdorov'ia, pokoia i voli'. Iz perepiski B.F. Egorova, N.Ia. Mandel'shtam i L.Ia. Ginzburg" [" '...And to wish you health, peace and freedom'. From the correspondence of B.F. Egorov, N.Ya. Mandelstam and L.Ya. Ginzburg"]. *Problemy izucheniia rossiiskoi slovesnosti. Sb. statei po matlam Vseros. nauch. konf. V chest' 90-letii professora Borisa Fedorovicha Egorova* [*Problems of Studying Russian Literature. Collection of Articles on the Materials of the All-Russian Scientific Conference. In Honor of the 90th Anniversary of Professor Boris Fedorovich Egorov*], ed. by L.E. Lyapina. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 158–167. (In Russ.)

12. Rubinchik, O. E. "O Nike Nikolaevne Glen i ee archive" ["About Nika Nikolaevna Glen and her archive"]. In: Rubinchik O. E. *Anna Akhmatova i ee vremya* [*Anna Akhmatova and her time*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2018, pp. 480–492. (In Russ.)

13. Rubinchik, O.E. "...Peredala mne vy'sochajshie rasporyazheniya...": Axmatovskaya zapiska s porucheniyami Nike Glen" ["...Passed Me the Highest Orders...": Akhmatova's Note with Instructions to Nika Glen"]. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2025, no. 2, pp. 336–355. (in Russ.) <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-2-336-355>

14. Timenchik, R. "Iz Imennogo ukazatelya k *Zapisnym knizhkam Akhmatovoy*: levyy flang akmeizma" ["From the Index of Names to *Akhmatova's Notebooks*: The Left Flank of Acmeism"]. *Blokovskiy sb. XIX. Aleksandr Blok i russkaya literatura Serebryanogo veka* [Blokovsky Collection of Works. XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, 2015, pp. 152–161. (Series: Acta Slavica Estonica, VII). (In Russ.)
15. Fedotov, O.I. "Sonety Anny Akhmatovoi kak tsikl" ["Sonnets of Anna Akhmatova as a Cycle"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya*. [Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology], no 4, 1998, pp. 32–47. (In Russ.)
16. Khardzhiev, N.I. "O perevodakh v literaturnom nasledii Anny Akhmatovoi" ["On Translations in the Literary Heritage of Anna Akhmatova"]. *Tainy remesla: Akhmatovskie chteniia* [Secrets of the Craft: Akhmatova Readings], iss. 2, ed. N.V. Koroleva, S.A. Kovalenko. Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 229–232. (In Russ.)
17. Chernykh, V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966* [Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, 944 p. (In Russ.)
18. Chukovskaya, L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy* [Notes on Anna Akhmatova]: In 3 vols, vol. 2, published by E.Ts. Chukovskaya and Zh.O. Khavkina with the participation of E.B. Efimov. Moscow, Soglasiye Publ., 1997, 832 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.05.2025
 Одобрена после рецензирования: 10.10.2025
 Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 10.05.2025
 Approved after reviewing: 10.10.2025
 Date of publication: 25.03.2026